Земля наша велика и обильна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

Земля наша

ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Георгия Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша

Ответственный редактор:
С. В. Белецкий

Редколлегия:
Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна…», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладоги и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

В. А. Лапшин. Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения 5

Л. А. Губчевская. «Заповедный» — значит «особо хранимый» 8

Л. М. Всевиов (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова 11

А. А. Александров. «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи) 14

С. В. Белецкий. Геральдические подвески X–XI вв. 30

Р. Брузис. Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии 50

Ю. А. Виноградов. О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии 61

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева. Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладоги 66

Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина. Изборская крепость в первой трети XIV в. 70

Т. Н. Джаксон. О природных чудесах Исландии 84

А. Н. Егорьков, А. В. Плохов. Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища 91

И. И. Еремеев. Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом 99

М. М. Казанский. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы 113

С. Ю. Каинов. «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения) 125

О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова. Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты 140

А. А. Кищук, О. В. Овсянников. Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского 156

Л. С. Клейн. Спор о варягах как пережитое 183

Н. Б. Крыласова. Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае 201

Ю. А. Кулешов. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии) 215

А. А. Купранис. О древнерусских весовых эталонах 241

А. В. Курбатов. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным 245

В. А. Лапшин. Первые строители Петербурга 258

П. А. Миляев. Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада 267

К. А. Михайлов, А. А. Пескова. Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова) 286

Е. Р. Михайлова. Двушипные наконечники копий из Которского погоста 298

А. Г. Панкратов. Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси 312

В. Я. Петрухин. Вещий Олег и «могила в Ладоге» 322

Н. И. Платонова. Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии») 332

А. И. Сакса. «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в. 343

Е. В. Салмина, С. А. Салмин. В поисках захаба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г. 358

Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева. Новая находка из старых раскопок 379

В. Ю. Соболев. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли 384

П. Е. Сорокин, П. А. Васин. Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья 395

Р. Спиргис. Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв. 405

С. В. Томсинский. Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля» 424

С. Н. Травкин. Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века 433

Сокращения 439

Л. С. Клейн
(Санкт-Петербург)

Спор о варягах как пережитое[1]

Выношенная книга

Предлагаемая статья — не чистая историография. Я пишу о событиях, которые, имея глубокую историю, продолжаются по сей день и в которых и мне, и юбиляру довелось быть активными участниками. Несмотря на автобиографический компонент, в центре изложения — суть научного спора. Но это — и не чистая наука, так как спор оказывается не только научным.

В 2009 г. я выпустил в свет книгу на русском языке «Спор о варягах» (Клейн 2009а) о проблеме истории и археологии. В основе эта книга была написана мною в 1960 г. За меньший срок (кто считает, что за 30 лет, кто — за 7–10 лет) археология удваивает свои источники. Выводы книги должны были явно устареть, но издатели пошли на риск, и обычный тираж научной книги (1000 экз.) был раскуплен за пару месяцев. Понадобилась допечатка. Почему?

Дело в том, что книга посвящена специфическому российскому спору, который ведется уже более двух с половиной столетий, сохраняя изначальную остроту, — спору между норманизмом и антинорманизмом. Это полемика о роли и значении норманской инвазии на территорию нынешней России и о самом существовании этой инвазии (последние обзоры — Алпатов 1982; Данилевский 1998; Хлевов 1999). Дискуссия изначально имела политическую окраску, которая сохранилась и до сих пор.

Этого спора нет ни в скандинавской науке, ни в науке общеевропейской. Скандинавы не сомневаются, что их предки побывали на западноевропейских и восточноевропейских землях и оставили там свой след. Французы и англичане признают, что их страны были в значительной части захвачены норманнами, во Франции след этого — Нормандия, в восточной и северной Англии — Данло («страна Датского закона»). Те, кто ставит задачей доказать, что норманны не сыграли сколько-нибудь заметной роли в истории этих стран (такие встречаются), оказываются на сугубо маргинальных позициях в европейской науке. Кто взялся бы отрицать,

[1] Материал этой статьи с некоторыми незначительными отличиями отослан также в датский сборник на английском (“From Goths to Varangians”, ed. by Bjerg L., Kind J. H., Sindback S. M.) и во французский сборник (“Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne”, dir. par Bauduin P., Musin A.), где моя статья также напечатана на английском. Обе мои иностранные статьи успели выйти раньше, первая — в 2013 г., под названием “The Russian controversy over the Varangians” (Aarhus University Press: 27–38), вторая под названием “Normanism and Antinormanism in Russia” (Caen, Publications du Craham, 2014: 407–415).

что Осебергский корабль принадлежал норманнам, вряд ли бы сохранил позицию в науке вообще.

Ученым других стран, конечно, приходится сталкиваться с периодическими вспышками антинорманизма в России и в русской диаспоре, но вне этого круга особых сомнений в экспансии норманнов IX–XI вв. на другие области Европы не возникает.

Мне довелось участвовать в этом споре, и так получилось, что он, не став моей главной специализацией в археологии, проходил красной нитью через всю мою долгую и драматичную научную карьеру. Меня называют главным российским норманистом второй половины XX в. Это, мягко говоря, не совсем точно. В Петербурге мои ученики Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Е. Н. Носов и др., мой питерский коллега А. Н. Кирпичников, а в Москве — историки из школы В. Т. Пашуто — Е. А. Мельникова, Т. Н. Джаксон и др. внесли гораздо более весомый вклад в изучение реальной роли норманнов в истории нашей страны. Но я не отрицаю, что был активным участником этого спора и на каком-то его этапе наиболее заметным выразителем той позиции в споре, которую неверно называют норманизмом или норманской теорией.

Три диспута

Было три случая, с интервалом примерно в сто лет, когда дискуссия выливалась в устные публичные диспуты.

Первый раз спор разгорелся в XVIII в. Зачином послужили исследования академика Готлиба Зигфрида Байера, немецкого историка на русской службе. В 1735–1741 гг. он напечатал статьи, в которых показал, что варяги русской летописи, от которых ведет свое происхождение первая династия российских государей и высшая русская знать, были скандинавами, предками шведов. Байера считают зачинателем норманизма, хотя он таковым не был (Карпеев 1997). Уже после его смерти другой немец на русской службе, академик Герард-Фридрих Мюллер, в России Федор Иванович Миллер, ректор Академического университета в Петербурге (первого русского университета), имеющий колоссальные заслуги перед русской наукой, летом 1749 г. подготовил к тезоименитству государыни и представил к оглашению на празднестве речь («диссертацию») «О происхождении народа и имени российского». В ней он, развивая взгляды своего покойного коллеги академика Г. З. Байера, писал, что первая династия (Рюриковичи) и часть верхнего слоя русского народа происходят от норманнов. Имя «Русь» — от них же, что ясно сказано в летописи. В этой «диссертации» то и другое он выводил из Скандинавии.

Это вызвало подозрения его немецкого недоброжелателя, руководителя Академии И. Д. Шумахера, и тот спровоцировал расследование идейного ущерба от «диссертации» и обсуждение в Академии, продолжавшееся по весну 1750 г. С подачи немецких академиков, врагов Миллера, против его «диссертации» выступил Михайло Васильевич Ломоносов, имевший и свой зуб на Миллера (тот ранее активно выступал за осуждение пьяного буйства Ломоносова). Он обвинил Байера, Миллера и Шлёцера в злонамеренной фальсификации русской истории, происходящей от их немецкого национального чванства.

Ломоносов усмотрел в «диссертации» Миллера ущерб для Российского государства — «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают». Всего несколько десятилетий прошло после войны со шведами, и происхождение от предков недавнего противника Ломоносов считал оскорбительным для русского народа. Раздражение вызывали не сами факты, а оскорбление патриотических чувств. Прибегал Ломоносов и к чисто политическим аргументам. Так, он вменял в вину Байеру, что тот сомневался в реальности путешествия святого апостола Андрея в Россию для проповеди Евангелия. Это «всего несноснее» — в России же учрежден Петром I орден Андрея Первозванного!

И в дальнейшем эти крупные российские историки нередко третировались в нашей историографии как проповедники германского национализма. Не принималось во внимание то, что при их жизни индоевропеистика еще не появилась, что не были четко выявлены языковые семейства и их родство, и поэтому осознавать скандинавов как германцев эти ученые вряд ли могли. От силы их можно было обвинить в тайном чувстве превосходства европейской цивилизации над российской, но если это чувство у них и было, то его с ними разделял Петр I. А ныне показано, что Байер и вовсе не был создателем «норманской теории» (Карпеев 1997).

Заседания Академии наук, на которых бурно обсуждалась «скаредная диссертация» Миллера, шли в конференц-зале Академии наук (ныне — Кунсткамера) в течение более полугода. Ломоносов преуспел. Диссертация Миллера была запрещена к оглашению на торжествах, а сам Миллер лишен профессорского звания и уволен с поста ректора университета. Позже позиция, которую отстаивал Миллер, была окрещена норманизмом или норманской теорией.

Ломоносов же взялся сам писать курс истории российского народа и государства. Славный своими открытиями в естествознании, Ломоносов не имел подготовки к занятиям историей и построил свой курс не на анализе древнерусских летописей, а на основе «Синопсиса» — их позднего польско-украинского переложения (Формозов 2005: 127–146). Ломоносов увидел в варягах русских летописей не скандинавских викингов, а балтских (жмудь) или западнославянских пришельцев, которые ничего на Руси не изменили. Имя же русских он производил от южного племени роксолан (тогда их иранская принадлежность была неведома). «Краткий Российский летописец» Ломоносова увидел свет в 1760 г. (Ломоносов 1760), а полный курс «Древняя Российская история» — в 1766-м (Ломоносов 1766). Это было первое изложение антинорманистской концепции.

При всем том Ломоносов не был ненавистником немцев вообще (ученик немецкого профессора Вольфа, он учился в Германии, имел немецких друзей и был женат на немке). Но он выступал против засилья немцев в Академии и считал, что только природный русский может понять факты русской истории, а инородцам мешает их европейская спесь. Мысль о том, не мешает ли некоторым «природным русским» их субъективная жажда иметь непременно славных предков, не приходила ему в голову.

Далее дискуссия продолжалась в печати, пока через сто лет, в 1865 г., не вспыхнула вновь в публичном пространстве. Если первые обсуждения проходили в конференц-зале Академии наук, то на этот раз события переместились в Актовый зал Петербургского университета. Московский профессор истории М. П. Погодин вызвал на пари питерского профессора Н. И. Костомарова, заявив, что берется ему

доказать норманское происхождение варягов и Рюриковичей. Диспут в университете проходил при огромном стечении публики, билеты продавались очень дорого (цена одного билета была выше стоимости овчинного полушубка или пуда осетрины, а в день открытия диспута билеты перепродавались с рук в десять раз дороже).

Разумеется, оба участника остались неудовлетворены, и дискуссия продолжилась в печати. Во второй половине XIX в. (особенно после работ В. Томсена) центр полемики сместился в область лингвистики (происхождение имени и топонимика), а в середине XX в. (после работ Т. Арне и Х. Арбмана) — в археологию.

Третья вспышка спора разразилась еще через сто лет после второй. Она могла бы состояться в Москве, но была потушена в самом начале.

В 1960 г. на истфак Московского университета поступил студент, сын известного археолога. Он написал пространную курсовую работу по варяжскому вопросу, в которой наивно удивлялся, как можно не видеть очевидной скандинавской принадлежности первых русских князей. Его допрашивали в КГБ, и в 1963 г. исключили из Московского университета, а через два года он был арестован. Впоследствии он стал известным диссидентом, отсидел в психушках, эмигрировал и написал известную книгу «Доживет ли Советский Союз до 1984 года». Имя его — Андрей Амальрик. Он ошибся всего на пять лет. Ныне студенческая рукопись Амальрика о норманнах на Руси разыскана О. Л. Губаревым и опубликована им со своими комментариями (Амальрик 2018).

В том же самом 1960 г. я, тогда аспирант Ленинградского университета, отвлекшись от диссертации, написал книгу «Спор о варягах» с позиций объективности, но, несмотря на отличный отзыв декана профессора В. В. Мавродина (Ленинградский университет тогда был либеральнее Московского), издать ее не удалось. Но став преподавателем, я по этой рукописи обучал студентов и организовал Славяно-варяжский семинар, который просуществовал около 30 лет. В первые же годы наших занятий деятельностью семинара заинтересовалось партбюро факультета и, дабы пресечь брожение, затеяло в декабре 1965 г. на факультете публичную дискуссию по этой теме. Ровно через сто лет после второй «варяжской баталии». Кафедры были обязаны представить своих диспутантов, и от кафедры археологии был назначен я. Ни для кого не было секретом, ради чего была затеяна дискуссия — чтобы вывести меня на чистую воду. Хотя объявление было очень незаметным, слух о событии быстро распространился и сбежались люди со всех факультетов.

В качестве материала и повода для дискуссии была выбрана только что вышедшая книга И. П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной науке» (Шаскольский 1965). Это был интеллигентный человек из Института истории АН СССР, знающий исследователь, но он, оставаясь лояльным режиму, послушно боролся с «норманской теорией» (Шаскольский 1965; 1978; 1983). Тем не менее он рассматривал «норманскую теорию» как одну из теорий западной науки, которую допустимо обсуждать, разумеется, относясь к ней критически. Прогрессом было уже то, что он отказался от советских клише («лженаучная теория», «буржуазная фальсификация истории»), а считал ее научной позицией, хотя и ошибочной.

Мне и моим ученикам удалось в дискуссии отстоять право на объективные исследования в этой области, как свое, так и всех наших коллег. Правда, при обсуждении мне пришлось применять кроме необходимых фактологических аргументов

также доводы, которые в нормальных условиях трудно признать убедительными. Но мне противостояли люди (я не имею в виду Шаскольского), которые обладали властью и на которых научные аргументы не действовали. Я рассмотрел историю двухвековой дискуссии и показал, что те политические силы, которые поддерживали ту или иную спорящую сторону, неоднократно менялись местами.

Вначале норманизм был на руку правящей династии, так как придавал ей престиж, потом антинорманизм стал угоден русским националистам, затем норманизм стал знаменем революционеров, критиковавшим династию как чуждую народу (Маркс был сугубым норманистом), в сталинское время антинорманизм стал считаться патриотической позицией, а норманизм — почти фашистской, но с тех пор произошел новый поворот, и антинорманизм стали поддерживать как раз антисоветские круги… Словом, оценка идей менялась. И я призывал быть крайне осторожным в вынесении политических оценок, чтобы не попасть впросак. Сработало.

Когда я стал называть антинорманистские сочинения западных авторов антисоветской направленности, члены партбюро, сидевшие в зале, потянулись к выходу, чтобы посовещаться. Наши выступления были распределены заранее между мной и учениками, и завершающий удар был поручен Глебу Лебедеву, тогда студенту. В своем выступлении он привел всем известную цитату из Маркса (ее повторяли во всех учебниках), что норманны, конечно, были на Руси, но они быстро ославянились, что видно из их браков и имен. Маркс, казалось бы, выступал здесь как антинорманист. Эта цитата была взята из сочинения Маркса о секретной дипломатии (Marx 1899), тогда не переведенного на русский и не входившего в многотомное собрание сочинений Маркса и Энгельса. Цитата была подрезана. В оригинале перед этой фразой стояли еще четыре слова: «Мне могут возразить, что...». Когда Глеб произнес эти слова, аудитория забурлила. Послышались выкрики: «Фальсификация! Позор!». В президиум пошли записки от наших противников с отказом от запланированных выступлений.

Следующие полвека

После дискуссии И. П. Шаскольский и директор Института истории АН СССР Н. Е. Носов предложили мне и моим ученикам написать обзор археологических памятников скандинавского происхождения на территории СССР. Такой обзор был написан и опубликован в томе, изданном Институтом истории (Клейн и др. 1970). Эта работа стала первой сводкой археологических материалов скандинавского происхождения на Руси.

Рукопись «Спора о варягах» и мое полуторачасовое выступление в публичной дискуссии, а также эта сводка стали основой книги, изданной в 2009 г., а к ним я присоединил исследования, сделанные позже, характеристику работы семинара и многочисленные комментарии. В книге приведен список из почти четырехсот работ членов моего семинара по норманской тематике (Всевиов 2009). В их числе книги покойного Г. С. Лебедева, в частности «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» (выдержала два издания — Лебедев 1985; 2005), а также открытие И. В. Дубовым массовых скандинавских граффити на восточных монетах (Добровольский и др. 1991).

Мой семинар действовал более тридцати лет, он продолжал действовать (уже под руководством моих учеников), даже когда я был в 1981 г. арестован и изгнан из Университета (вернулся только в 1994-м). В нем выросло несколько поколений исследователей этой проблемы — Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Е. Н. Носов, С. В. Белецкий, Ю. М. Лесман и др.

Надо сказать, что одновременно с нашей деятельностью в Петербурге ряд московских ученых также отстаивал право на объективное рассмотрение норманской проблемы. Это были, прежде всего, В. Т. Пашуто (напр., Пашуто 1970; 1974) и его школа.

Актуальность книги

Почему же, однако, я решил опубликовать эту книгу почти полвека спустя? Дело в том, что ситуация опять изменилась, как менялась она не раз. После падения советской власти, предсказанного Амальриком, идеология, насаждавшаяся ею, в том числе и антинорманизм, оказалась дискредитированной. В новой обстановке казалось, что он уже не возродится. В 1995 г. в Университете был организован торжественный юбилей дискуссии 1965 г. — научная сессия с докладами, где мы смогли открыто заявить, что не существует никакого норманизма — это жупел, который был создан националистической имперской идеологией России и поддержан поздней советской идеологией (сталинской и послесталинской) для очернения объективной науки, а вот антинорманизм существует, но это не научная позиция, а идеология. И он мертв (Клейн 1999).

В последнем мы ошибались. В начале III тысячелетия он ожил снова. Правда, пока в небольшом кругу ученых — их горстка, но эта горстка стояла у власти. Это директор Института российской истории РАЕ проф. А. Н. Сахаров (не путать с А. Д. Сахаровым!) и его ближайшие сподвижники. Сахаров, в советское время управлявший Госкомиздатом, то есть исполнявший функции, близкие к цензорским, объявил, что норманизм — главная опасность для российской истории, изгнал из своего института выдающихся ученых, несогласных с его точкой зрения, вытеснил целый сектор, занимавшийся иностранными письменными источниками о России. Когда в декабре 2008 г. академики попытались его снять голосованием, руководство сохранило его на месте указом января 2009 г. (но в 2010 г. его всё-таки освободили от занимаемой должности).

Структура спора

В этой ситуации я решил, что моя книга снова обрела актуальность. Часть, написанную в 1960 г., я сохранил в неизменном виде. Дело в том, что в ней, во-первых, сведены воедино все аргументы и контраргументы (исторические, лингвистические и археологические), собранные как норманистами, так и антинорманистами. Это факты и группы фактов, всего не менее ста. Новые аргументы и контраргументы, появившиеся после 1960 г., я добавил в квадратных скобках. Дискуссия стала легкообозримой.

Во-вторых, я придал всему обсуждению структуру, сгруппировав аргументы и контраргументы по нескольким основным вопросам, расположенным в логической последовательности. Никто из моих предшественников этого не делал. Теперь каждый новый аргумент сразу находит свое место в существующей системе и можно оценить его значение.

В-третьих, логика структуры такова, что политические акценты, если их вносить в обсуждение, распределяются очень неравномерно. Они всё более концентрируются на последних звеньях логической цепи. Я включал их в целях самообороны: нам нужно было обеспечить возможность спокойно, беспристрастно исследовать как можно больше разделов этой темы, и концентрация политических акцентов на последних звеньях позволяла освободить всё остальное для объективного исследования. Стоило только отделить последние звенья — и почти вся цепочка очищалась.

Логическая схема того, как представлялось построение «норманской теории», такова:

1. Варяги русской летописи — это скандинавские германцы, норманны.

2. Основателем княжеской династии Киевского государства явился варяжский вождь Рюрик, призванный восточными славянами и их соседями и приведший с собой целое племя варягов.

3. Пришедшее в Восточную Европу племя варягов называлось Русью, и от него это название перешло на подвластных ему тогда восточных славян.

4. Норманны цивилизовали славян, оказав огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке.

5. Норманны создали первое восточнославянское государство или, по крайней мере, сыграли важную роль в его создании.

6. Причиной важной роли, которую норманны сыграли в Восточной Европе (как и везде), является их природное превосходство над другими народами, в первую очередь над славянами, которые неспособны к самостоятельному творчеству.

7. Политический вывод к современности: опыт истории учит тому, что и впредь германцам суждено повелевать, а славянам — повиноваться.

По этой схеме и распределялись у меня аргументы и контраргументы сторон. Три первых положения действительно поддерживают все те ученые, кого антинорманисты записывают в норманизм, два последующих положения в таком виде не поддерживают, но используемые для них факты в иной трактовке признают. А вот два последних пункта придают всей концепции злонамеренный вид и политическое звучание. Но они-то как раз и не имеют за собой особых аргументов и даже контраргументов, потому что практически и не выдвигались в науке. С трудом можно найти некоторые высказывания, которые можно было бы сюда подтянуть, но это не доводы ученых, а декларации политиков. Теории и научного течения они не создают. А формулировали их в основном антинорманисты — чтобы было с чем бороться. Вот их и позволяла отсечь моя концепция.

Так антинорманистами был сформирован норманизм, возникло вполне реальное противостояние двух искусственных концепций, и по этой схеме я и структурировал весь спор. Я учел все высказывавшиеся доселе фактические аргументы за и против обеих концепций (таких аргументов оказалось чуть больше ста). Структурирование помогло мне найти место каждого аргумента во всей системе и оценить его значение для всего спора, взглянуть на него с точки зрения целого. Это придало

всему спору организованность и обозримость. Поскольку никто, кроме меня, не проделал этого ни до, ни после 1960 г., я и решил опубликовать эту книгу, хотя и с опозданием на полвека.

Динамика спора

Но дело не только в политических акцентах, но и в аспектах, психологически трудных для массового восприятия, так что антинорманисты вполне могли рассчитывать на поддержку масс.

Ожесточенная борьба шла на всех ступенях схемы. Постепенно антинорманисты сдавали свои позиции одну за другой. Сначала была отброшена первая ступень, на которой стояли антинорманисты первых двух публичных баталий. Почти все антинорманисты давно признали, что варяги — это скандинавы: шведы, датчане, норвежцы, которые были норманнами-викингами — теми самыми, которые штурмовали западноевропейские города и страны. Потом отпало стремление доказать, что не было призвания варягов, что это легенда и всё в ней выдумано. Нашлись совпадения с биографией Ютландского Хрёрика, да и имя Рюрика — не славянское.

Ожесточенные сражения шли за имя народа, на третьей ступени. Хотя, казалось бы, что в имени — слово, звук. Но и это сопротивление было сломлено, происхождение имени было доказано лингвистически безупречно, хотя значение исходного термина неясно — так же, как у многих народов.

Четвертая ступень могла бы доставить антинорманистам удовлетворение: влияние норманнов на славянскую культуру не так уж велико, норманны быстро ославянились. Но таково же было положение и в норманских областях Англии и Франции — там норманны столь же быстро офранцузились и англизировались. А ведь их воинственные акции там не отрицаются.

Но и вопрос об участии в создании государства сейчас уже не обсуждается столь остро. Даже в марксистской схеме признавался и такой путь создания государства — путем завоевания, привлечения династов со стороны.

Антинорманисты практически сдали первые две ступени, большей частью разочаровались в третьей, приняли кое-что из четвертой и пятой, а эти позиции и противники не очень отстаивали, так что к середине XX в. позиции обеих сторон очень сблизились. На дискуссии 1965 г. я мог иронизировать, что с точки зрения антинорманистов прежних веков все нынешние антинорманисты были бы зачислены в норманисты.

И вдруг именно это и произошло! Новейшие антинорманисты (неоантинорманисты) — Вилинбахов, Кузьмин, Сахаров, Фомин — вернулись на первую ступень, к позициям Ломоносова и Костомарова, отвергли норманскую принадлежность варягов. Они вновь объявили варягов западными славянами. То есть с восстановленной точки зрения антинорманистов прошлого (двух прежних баталий) чуть ли не все антинорманисты последнего столетия считались бы норманистами! Сахаров с Фоминым теперь и Мавродина, и Шаскольского, и даже Рыбакова считают норманистами. С их точки зрения все открытия археологов не существуют или неверно трактованы. Камерные погребения, погребения в ладье — не норманские, черепаховидные фибулы занесены торговлей, и славянки почему-то переняли

скандинавскую моду носить плащи с фибулами на плечах и т. д. Спор опять вроде бы в прежнем состоянии, как будто не было двух веков исследований…

Логики нет, конечно, в антинорманистской патриотической аргументации. Чем, собственно, западные славяне лучше для России, чем скандинавы, если «Днем народного единства» избран недавно день мобилизации сил российского сопротивления против западнославянского (польского) нашествия на Москву в 1612 г.?

Вся эта шумиха не имеет ничего общего ни с наукой, ни с разумным патриотизмом. Дело в том, что антинорманистские движения опираются на ущемленное национальное самосознание, усердно подзуживаемое неумной пропагандой правящих кругов. Развалилась советская империя, и хотя большинство народа не имело никаких преимуществ перед Западом (жизнь было гораздо хуже, чем там, победители в войне нищенствовали по сравнению с побежденными), но русскому народу внушалось, что он самый лучший, самый благополучный, самый духовный и ведущий в империи, что все его боятся и завидуют ему. И всё это рухнуло. Осталась неприглядная действительность. Чувство национального унижения рождает озлобление на иностранцев и инородцев и надежды на реванш (Клейн 2006).

Это и есть почва для массового сочувствия в России антинорманизму. Настроение в интернет-блогах можно выразить одной фразой: я не знаю деталей, но мне не нравится норманская теория.

Сочувствие идет и сверху. Вот была создана Комиссия при президенте для борьбы с теми фальсификациями истории, которые в ущерб России. С теми, которые не в ущерб, значит, мириться можно (Клейн 2009б). Конечно, взятие Москвы Наполеоном и поляками отрицать никак не получается. Но вот со скупыми летописными и археологическими данными можно поспорить, можно объявить «норманизм» фальсификацией. Сахаров — один из трех профессиональных историков, вошедших в Комиссию (остальные 24 члена — чиновники администрации и руководители массмедиа). Поэтому развенчание научных основ антинорманизма сохраняет актуальность.

Я отнюдь не призываю к созданию для антинорманистов такого же режима, какой они старались создать для норманистов, не призываю запретить антинорманизм. Существование широкого спектра мнений, включая противоположную точку зрения, сколь бы она ни представлялась абсурдной, нормально. Критика слабых мест исторических реконструкций полезна. Какими мотивами не были бы движимы антинорманисты, их исследования привели к любопытным частным открытиям. Так, обнаружилась сложность употребления термина «варяг» на Руси (Никитин 2001: 76–95); было показано (хотя и преувеличено) первоначальное муссирование агрессии норманнов на восток как раз в Швеции (Фомин 2005) — писания историка Петрея, придворного историографа Карла IX; именно антинорманисты (Кузьмин 1974) обратили внимание на следы западнославянского и даже кельтского воздействия на северную Русь (но более древнего, чем эпоха викингов).

Российская специфика

Искусственность и надуманность всей проблемы лучше всего иллюстрируются тем, что два с половиной века спор норманизма с антинорманизмом остается сугубо российским феноменом. Он разворачивается только в России и среди российской

диаспоры. Ученые других стран участвуют в нем лишь постольку, поскольку им приходится опровергать обвинения российских антинорманистов и отражать нападки на спокойную констатацию фактов истории.

Между тем экспансия норманнов в VIII–X вв. охватывала чуть ли не все европейские страны. Западные европейцы вполне спокойно относятся к тому, что норманны сыграли заметную роль в истории их стран и в сложении их государственности (как римляне, а позже во Франции — германцы франки). Это не ущемляет национального достоинства французов и англичан, потому что им не приходится сомневаться в том, что они по праву находятся в числе передовых стран.

Формирование антинорманизма и противостояние его с норманизмом произошло в России потому, что здесь издавна существовал феномен ущемленного национального достоинства. О длительном татарском иге я уж не говорю. После восприятия себя как «третьего Рима» Российская империя перешла к Смуте, и в Москве сидел польский гарнизон. Потребовалось ополчение Минина и Пожарского, чтобы восстановить национальную государственность. Уже при четвертом Романове, в петровское время, Россия вынуждена была осознать, что она ужасающе отстала от передовых стран Запада и должна учиться и догонять.

С тех пор эта ситуация не раз повторялась. И в начале XIX в., когда после суворовских побед Наполеон взял Москву, и в середине XIX в., когда «жандарм Европы» потерпел сокрушительное поражение в Крымской войне и пришлось отменять крепостное право, давно отмененное в Западной Европе. Затем ситуация повторилась после поражений в войнах, русско-японской и Первой мировой, приведших к революциям, и в сталинское время, когда после залихватских песен о том, что будем бить врага на его территории, половина армии оказалась в немецком плену и Гитлер дошел до Москвы. Наконец, в конце XX в., после 70 лет надсадного крика о том, что догоним и перегоним Америку, что мы самые передовые и научим весь мир, вдруг коммунистический режим рухнул, рассыпался сам, без внешнего вторжения. Империя, разбухшая на пол-Европы и пол-Азии, разом сократилась до предпетровских границ. Мы вдруг оглянулись и увидели, что по качеству жизни мы на уровне африканских стран. Сознавать это унизительно и стыдно.

Вот это и рождает чувство ущемленного национального самолюбия. Невольно задумываешься, почему мы до этого дошли, что нам мешает быть как все. Одни мыслят в этом направлении, а другие ищут более утешительные объяснения. Есть немало таких, кто легко поддается этому настроению: это все вокруг виноваты, а не мы сами; это вечный заговор мировой закулисы; это отпавшие от нашей империи страны неблагодарны и коварны; это всё инородцы и иноверцы. А в истории нашей не было темных пятен, они могли быть только у других народов, а у нас только славное прошлое. Если наука говорит об ином, то это фальсификация, оплаченная Западом. Нам не из чего извлекать уроки, мы всегда были лучше других, выше других, а нынешнее положение — это случайность, надо показать всем вокруг, что мы сильнее.

На это накладывается синдром распадающейся империи. Переживать его людям доминировавшей национальности всегда трудно. Это переживали англичане, французы, голландцы, испанцы, немцы, австрийцы, турки. Русским, с их ущемленным национальным самолюбием, труднее вдвойне. Хочется вернуть всё к «нормальному» состоянию, когда скверные условия жизни компенсировались ощущением доминирования в империи (Клейн 2006). Муссируется вера в то, что

«заблудшие братья» одумаются и вернутся, а тем, кто не захочет, мы сможем показать кузькину мать. И люди ради реванша готовы призвать диктатора, «сильную руку», одобряют ссоры со всеми соседями и задирание с Америкой — самой сильной державой современности.

А что у Америки ВВП в десять раз больше нашего — это временно, вот-вот их экономика рухнет. А что у Америки 400 суперкомпьютеров, а у нас только три — это неважно, зато у нас сохраняются ракеты. А что Америка удваивает свои огромные расходы на науку до 400 млрд долларов в год, а мы сокращаем свои малые расходы до 6 млрд, так зато мы духовнее. И мы продолжаем надувать щеки.

Вот та атмосфера, которая используется элитой, заинтересованной в сохранении статус-кво — своего доминирования. Она подогревает эти настроения повседневной пропагандой. Поэтому не только часть ученых (пока малая) вернулась к антинорманизму, но и эта идеология является массовой. Пройдите по русским блогам интернета, и во многих вы увидите неприятие «норманизма». Либо обыватели стараются на своем дилетантском уровне расправиться с доводами науки, либо они откровенно признаются, что фактами не владеют, но «норманистских» аргументов не приемлют, видя в них проявление антипатриотической позиции. Для них важна не доказательность аргументов, а мотивы, которые якобы за ними скрываются. Логика обычно такая: этот норманист — вообще плохой человек (дерьмократ, инородец, русофоб, аморален, бывал на Западе — вероятно, ему заплатили и т. п.), чего можно от него ожидать? Я ему не верю.

Таким образом, антинорманизм в науке, не будучи чисто научным явлением, имеет поддержку снизу и сверху. Снизу его поддерживает массовое сознание с ущемленным национальным достоинством, а сверху — консервативные устремления элиты, подогревающей эти настроения масс и стимулирующие антинорманизм в науке. Так, когда академики забаллотировали А. Н. Сахарова на выборах директором на очередной срок, этот результат был в 2009 г. отменен Президиумом, как сообщалось в прессе, по настоянию сверху. Указом Президиума в январе срок директорства Сахарова был продлен до его 80-летия. Но и он окончился.

Норманизм и расизм

Норманизм — так, как его подают антинорманисты — резонно рассматривается как разновидность расизма, расовой теории. Но поскольку два последних положения присоединены к концепции искусственно, то в своем реальном, научном содержании то, что подается как норманизм, никакого отношения к расовой теории не имеет. Более того, «норманская теория» — вообще не теория. Да, многие ученые высказывали и высказывают предположения относительно трактовки исторических и археологических фактов в том плане, что норманны действовали на восточнославянских землях (как и на Западе Европы) и сыграли значительную роль в сложении древнерусской государственности. Но не всякая гипотеза при ее подтверждении превращается в теорию. Многие гипотезы, получив подтверждение, становятся фактами науки! Только гипотезы о законе имеют шанс стать теориями. Предположения же о викингах, предположительные интерпретации материалов раскопок и летописей — это гипотезы о фактах, а не о законах!

Следовательно, вопреки уважаемому И. П. Шаскольскому, нет и не было «норманской теории». Была только концепция, то есть система взаимосвязанных фактов, о пребывании и роли норманнов на Руси. Заслуживает ли она названия «норманизма»? По-видимому, нет. Под *-измом* мы обычно подразумеваем некое направление, течение в науке, основанное на определенной теории или хотя бы особой методологической системе взглядов. Система же взглядов, побуждающая исследователей констатировать присутствие и роль норманнов в древнерусской истории, — это просто стремление к объективности и строгости исторической науки, к объективности и независимости археологических выводов.

Антинорманизм же самостоятельного содержания не имеет, как показывает само его название. В отличие от норманизма, он претендует на статус теории, но теорией тоже не является. Это концепция, созданная для борьбы с искусственно сформированной в качестве жупела «норманской теорией» и для подлаживания фактов о норманнах под потребности ущемленного национального самосознания.

В основе противостояния этих двух концепций — спор о фактах. Всё, что надстроено над этим научным спором, находится вне науки и навязано ей политикой и обыденной ментальностью.

Расизму норманизм мог бы пригодиться, но не так уж обязателен. Это лишь одна из групп фактов, которая могла бы получить такую оценку (а может и не получить), но для получения нужен еще целый ряд дополнительных гипотез. Антинорманизм больше связан с националистическими взглядами и настроениями, ибо направлен на заведомое отрицание многих фактов, которые (в понимании людей с ущемленным национальным чувством) могут «наносить ущерб» национальным интересам русского народа.

Лучшее доказательство этого — скопление в блогах интернета уймы несведущих и малообразованных (часто и малограмотных) людей, с пеной у рта (и часто матерной бранью) доказывающих лживость и зловредность «норманской теории». Но нет такой же толпы, доказывающей обратное (разве что из духа противоречия и из оскорбленного чувства справедливости), как нет и опровергающей какую-нибудь математическую теорему. Но доказывающие величие и благородство Сталина и социализма есть, как есть и доказывающие зловредность евреев.

Норманизм и миграционизм

Второй аспект идеи норманизма — это ее связь с миграционизмом как течением в археологии. Норманизм может рассматриваться как разновидность диффузионизма, в частности как разновидность его крайнего аспекта — миграционизма. Если понимать миграционизм как некую теорию, то такой близости нет, но если видеть в миграционизме методологическую концепцию, некое направление исследований, то та концепция, которая остается от норманизма после удаления двух самых одиозных положений, имеет с ней нечто общее, и норманизм может рассматриваться как разновидность диффузионизма в широком плане или миграционизма — в узком.

Однако те предостережения, которые в нашей литературе связывались с миграционизмом, на норманскую концепцию вряд ли распространяются. Во-первых,

эти предостережения носят методологический и очень неконкретный характер. Имеется в виду опасность преувеличения количества и роли миграций вообще. Из них не вытекает никакого решения о каждой конкретной гипотезе о миграции, не говоря уже о том, что прежде чем констатировать преувеличение, нужно установить норму. Во-вторых, в советское время миграции в прошлом почти начисто отвергались, а на Западе нередко реконструировались, эта тема служила как бы демаркатором советской марксистской науки от западной буржуазной. В послесталинское время акценты постепенно смещались, и к концу советской эпохи многие советские археологи увлеклись реконструкцией запрещенных ранее миграций (я назвал это течение субмиграционизмом — Клейн 1993; Klein 1997), в западной же науке во второй половине XX в. как раз возобладало увлечение внутренними местными стимулами развития, а миграции отвергались. Сейчас и там это увлечение изживается.

В этом контексте и норманские древности могут рассматриваться как материалы для реконструкции некоего движения из Скандинавии в другие земли, в частности в земли России, движения, в котором были и компоненты миграции, и компоненты влияния, а какие на каком этапе преобладали — вопрос сложный и требующий детального анализа фактов.

«Неизлечимо больной норманизмом»

А. Н. Кирпичников присоединился к норманноведческому отряду российских историков и археологов не сразу. В 1960–1970-е гг. он прославился как специалист по древнерусскому оружию. Но уже это обращало его к Скандинавии, поскольку почти все мечи, найденные в восточнославянских землях, были каролингскими, франкскими, принесенными норманнами (именно Кирпичников протравкой выявил пару мечей со славянскими надписями). А с 1972 г. Кирпичников стал начальником Староладожской археологической экспедиции, занялся раскопками ранних слоев Старой Ладоги (скандинавского Альдегьюборга), и это подвигло его к расширению своих интересов на «варяжский вопрос». Человек осторожный и чуждый тяге к политическим идеям в науке, он вначале колебался в оценке норманской принадлежности Рюриковичей и пришлой «из-за моря» Руси. Очень упирал на то, что первыми в Ладоге оказались всё-таки славяне. Но чем ближе ко второй декаде 2000-х гг., тем увереннее он стал склоняться к скандинавскому определению пришельцев и к признанию их активности.

Это очень раздражало антинорманистов. В ноябре 2011 г. в Ладоге состоялась конференция «Начало русского мира», созванная антинорманистами. На ней был запланирован доклад Анатолия Николаевича. Узнав об этом, он в резкой форме потребовал снять доклад, но экскурсию для съехавшихся на конференцию провел. А на заседании Отдела славяно-финской археологии, на котором председательствовал, он, отвлекшись на телефонный разговор по поводу участия в конференции антинорманистов, со смешком произнес: «Я давно и неизлечимо болен норманизмом». Антинорманисты растиражировали это высказывание, приняв его всерьез. С. В. Белецкий присутствовал при телефонном разговоре и свидетельствует, что участники заседания восприняли высказывание Кирпичникова с тем юмором, которого оно заслуживает.

Новые находки

Со времени публикации нашей сводки норманских древностей Руси прошло сорок лет. Повторюсь, за меньшее время археология удваивает свои источники. Она и продолжает приносить всё новые свидетельства норманского присутствия на восточнославянских землях.

Уже после активности моего семинара появились яркие открытия (в составлении этой краткой сводки мне помог покойный член семинара Ю. М. Лесман). Новгородская земля изобилует норманскими следами (Платонова 1998; 2002 и др.). На Рюриковом городище возле Новгорода открыто Носовым целое скопление норманских находок (Носов 1990; 1998; Nosov 1998; 1999; 2000 и др.). В Пскове обнаружились в разных местах камерные погребения (Белецкий 1996; 1997; 2011; Лабутина и др. 2009; Ershova, Yakovleva 2011). Камерные могилы открыты и в ярославских могильниках (Недошивина, Фехнер 1985; Фехнер, Недошивина 1987; Sedyh 2000). В Старой Ладоге продолжаются раскопки, рисующие ее первой столицей Рюрика (Кирпичников 1997; Kirpichnikov 2014; Кирпичников, Сарабьянов 2003). На Украине Искоростень оказался еще одним важным центром норманского присутствия (Звиздецкий и др. 2004; Зоценко, Звиздецький 2006; Petrauskas 2009). В Шестовицах теперь известны не только княжеские курганы норманнов, но и поселение (Коваленко и др. 2003). В Киеве обнаружились новые камерные погребения (Ивакин, Козюба 2003; Андрощук 2004). Вообще на Украине теперь известно гораздо больше норманских древностей, чем прежде (Андрощук 2008; Зоценко 2004). И на карте Беларуси теперь известны норманские древности (Вікінгі 2002; Дернович 2006). В деревенском древнерусском женском уборе обнаружились существенные элементы скандинавской традиции, тогда как в крупных городах преобладали византийские влияния — это открытие Лесмана (Лесман 2010). Это далеко неполная сводка (более полную см.: Лесман 2014). Понятно, что в числе соратников Сахарова нет ни одного археолога.

Но нет гарантий, что они не отыщутся. Искушения слишком велики, а научные движения определяются не только фактами науки. Позиции в споре еще придется отстаивать. Здесь как в гостях у Красной Королевы Кэрролла: нужно очень быстро бежать, чтобы оставаться на месте.

Литература

Алпатов 1982 — *Алпатов М. А.* Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 31–45.

Амальрик 2018 — *Амальрик А.* Норманны и Киевская Русь. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 232 с.

Андрощук 2004 — *Андрощук Ф.* Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Rutenica. Т. 3. Київ: [Б. и.], 2004. С. 7–47.

Андрощук 2004 — *Андрощук Ф.* Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень: [Б. и.], 2008. С. 6–19.

Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. Городское ядро средневекового Пскова. Вып. I. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 92 с. (ИИМК. Археологические изыскания. 30).

Белецкий 1997 — *Белецкий С. В.* Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Низов В. В. (отв. ред.). Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: Материалы междунар. науч. симп.: К 210-летию А. Л. Витберга. Киров: Киров. гос. объед. ист.-архитектур. и лит. музей, 1997. С. 139–152.

Белецкий 2011 — *Белецкий С. В.* Псков в I — начале II тысячелетия н. э. // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб.: Universities' Publishing Consortium, 2011. С. 361–395.

Вікінгі 2002 — Вікінгі на Усходзе: каталог выставы. Мінск: Юніпак, 2002. 16 с.

Всевиов 2009 — *Всевиов Л. М.* (сост.). Список печатных работ участников Славяно-варяжского семинара (секции «Проблемного семинара» Л. С. Клейна) по варяжской тематике // Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. С. 310–342.

Данилевский 1998 — *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1998. 199 с.

Дернович 2006 — *Дернович С. Д.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2006. 86 с.

Добровольский и др. 1991 — *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 191 с.

Звиздецкий и др. 2004 — *Звиздецкий Б. А., Петраускас О. В., Польгуй В. И.* Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ: КОРВІН ПРЕСС, 2004. С. 51–68.

Зоценко 2004 — *Зоценко В. М.* Скандинавські арефакти південно-західної Русі // Там же. С. 87–105.

Зоценко, Звіздецький 2006 — *Зоценко В., Звіздецький Б.* Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня // Толочко П. П. (гол. ред.). Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруськоі держави IX–XI ст.): Матеріали міжнар. польового археол. семінару (Чернігів-Шестовиця, 20-23 лип. 2006 р.). Чернігів: Сіверянська думка, 2006. С. 73–89.

Івакин, Козюба 2003 — *Івакин Г., Козюба В.* Нови поховання X–XI ст. Верхнього Київа (з розкопок Архітектурно-археологічної експедіції 1997–1999 рр.) // Дружинні старожітності Центрально-Східної Европи VIII–IX ст. Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 38–50.

Карпеев 1997 — *Карпеев Э. П.* Г. З. Байер и истоки норманской теории // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты: Материалы симпозиума, 16–19 апреля 1996 г. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 1997. С. 19–25.

Кирпичников 1997 — *Кирпичников А. Н.* «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Там же. С. 7–18.

Кирпичников, Сарабьянов 2003 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Н.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2003. 183 с.

Клейн 1993 — *Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.

Клейн 1999 — *Клейн Л. С.* Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // SP. 1999. № 5. С. 91–101.

Клейн 2006 — *Клейн Л. С.* Диагноз // Звезда. 2006. № 9. С. 142–157.

Клейн 2009а — *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.

Клейн 2009б — *Клейн Л. С.* Что за Комиссия, Создатель? // Троицкий вариант — Наука. 12 июня 2009 г. Вып. 11 (30). С. 14.

Клейн и др. 1970 — *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Носов Н. Е., Шаскольский И. П. (ред.). Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л.: Наука, 1970. С. 226–252.

Коваленко и др. 2003 — *Коваленко В., Моця А., Сытий Ю.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–IX ст. Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 51–83.

Кузьмин 1974 — *Кузьмин А. Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 54–83.

Лабутина и др. 2009 — *Лабутина И. К., Малышева Н. Н., Закурина Т. Ю., Яковлева Е. А., Михайлов А. В.* Древнерусский некрополь Пскова // Археологические открытия 1991–2004 годов. Европейская Россия. М.: ИА РАН, 2009. С. 386–407.

Лебедев 1985 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: ЛГУ, 1985. 286 с.

Лебедев 2005 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.

Лесман 2010 — *Лесман Ю. М.* Литейная форма из Вышгорода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения Г Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 478–484.

Лесман 2014 — *Лесман Ю. М.* Скандинавский компонент древнерусской культуры // SP. 2014. № 5. С. 43–87.

Ломоносов 1760 — *Ломоносов М. В.* Краткой российской летописец. Сочинение Михаила Ломоносова. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук. 1760. 75 с.

Ломоносов 1766 — *Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук. 1766. 140 с.

Недошивина, Фехнер 1985 — *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101–115.

Никитин 2001 — *Никитин А. Л.* Основания русской истории: мифологемы и факты. М.: Аграф, 2001. 768 с.

Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 211 с.

Носов 1998 — *Носов Е. Н.* Первые скандинавы в Северной Руси // Хедман А., Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Викинги и славяне. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 56–82.

Пашуто 1970 — *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Т. 15. Таллин: Ээсти Раамат, 1970. С. 51–62.

Пашуто 1974 — *Пашуто В. Т.* Летописная традиция о племенных княжениях и варяжский вопрос // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Летописи и хроники. 1973. М.: Наука, 1974. С. 103–110.

Платонова 1998 — *Платонова Н. И.* Камерные погребения XI — начала XII веков в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии 26–31 августа 1996. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 372–380.

Платонова 2002 — *Платонова Н. И.* О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам комплекса памятников у Передольского погоста) // Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. (сост.). У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. Любытино: [Б. и.], 2002. С. 116–143.

Фехнер, Недошивина 1987 — *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70–89.

Фомин 2005 — *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская Панорама, 2005. 488 с.

Формозов 2005 — *Формозов А. А.* Человек и наука. Из записей археолога. М.: Знак, 2005. 224 с.

Хлевов 1997 — *Хлевов А. А.* Норманская проблема в отечественной науке. СПб.: СПбГУ, 1997. 103 с.

Шаскольский 1965 — *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Наука. 1965. 221 с.

Шаскольский 1978 — *Шаскольский И. П.* Норманская проблема в советской историографии // Мавродин В. В. (отв. ред.). Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978. С. 152–165.

Шаскольский 1983 — *Шаскольский И. П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 35–51 (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7).

Erchova, Yakovleva 2011 — *Erchova T., Yakovleva E.* Une population multiethnique: l'exemple des chambres funéraires de la Pskov ancienne // Russie Viking, vers une autre Normandie? Novgorod de la Russie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen Âge (VIIIe – XVe s.). Exhibition Catalogue, Caen, Musee de Normandie. Paris, 2011. S. 85–87.

Kirpichnikov 2014 — *Kirpichnikov A. N.* Early Ladoga during the Viking Age in thev light of the international cultural transfer // Bauduin P., Musin A. E. (dir.). Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Viking a la Rous ancienne. Caen: Graham, 2014. S. 215–230.

Klejn 1997 — *Klejn L. S.* Das Phanomen der Sowjetischen Archaologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Frankfurt am Main: P. Lang, 1997.

Klejn 2013 — *Klejn L. S.* The Russian controversy over the Varangians // Bjerg L., Lind J. H., Sindbak S. M. (eds.). From Goths to Varangians: communications and cultural exchange between the Baltic and the Black See. Aarhus: Aarhus University Press, 2013. P. 27–38.

Klejn 2014 — *Klejn L. S.* Normanism and Antinormanism in Russia // Bauduin P., Musin A. (dir.). Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. Caen: Publications du Craham, 2014. P. 407–415.

Marx 1899 — *Marx K*. Secret diplomatic history of the Eighteenth century, ed. by his daughter, Eleanor Marx Aveling. London, 1899.

Nosov 1998 — *Nosov E. N*. The Varangian problem: Russian historical tradition vs new archaeological evidence // Studien zur Archäologie des Ostseeraums: festschrift für M. Müller-Wille. Neumünster, 1998. S. 61–66.

Nosov 1999 — *Nosov E. N*. Scandinavier in der nördlichen Rus' und die Entstehung von Novgorod // Archäologie in Deutschland (Stuttgart). 1999. No. 4. S. 56–60.

Nosov 2000 — *Nosov E.* Rjurikovo Gorodisce et Novgorod // Kazanski M., Nercessian A., Zuckerman C. (eds.). Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient (Realités Byzantines, Paris, 7). Paris, 2000. P. 143–172.

Petrauskas 2009 — *Petrauskas O. V*. A Byzantine solidus coin from the research of V. A. Zvisdec'kyj in Islorosten // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century. Krakow: Inst. Archeol. Universitetu Rzeszowskiego, 2009. S. 653–658.

Sedyh 2000 — *Sedyh V*. Timerevo — un centre protoßurbain sur la grande voie de la Volga // Kazanski M., Nercessian A., Zuckerman C. (eds.). Réalités byzantines, 7. Paris: Lethieelleux, 2000. P. 178–186.